

Šaur, Vladimír

**О взаимосвязи восточноболгарских рефлексов Ъ с
протоболгарским суперстратом**

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1974-1975, vol. 23-24, iss. A22-23, pp. [147]-158

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100546>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВЛАДИМИР ШАУР

О ВЗАИМОСВЯЗИ ВОСТОЧНОБОЛГАРСКИХ РЕФЛЕКСОВ Ъ С ПРОТОБОЛГАРСКИМ СУПЕРСТРАТОМ

1. В нашей статье „Protobulharsko-slovanský bilingvismus ve fonologickém systému bulharštiny“¹ говорится о том, что сохранение только одного ерового гласного в восточноболгарских диалектах и переход заднего носового гласного в него могут быть обусловлены билингвизмом славянского и протоболгарского языков, который по всей вероятности надо принимать во внимание на протяжении 300 лет. При его условиях задний нелабиализированный гласный не мог исчезнуть, пока существовала необходимость отражать через славянский язык морфонологизированную гармонию гласных, свойственную языку, принадлежащему к туркотатарской языковой семье.

Другим процессом, связь которого с гармонией гласных неславянского типа надо изучить, является возникновение восточноболгарских рефлексов ъ.

Развитие ъ в южнославянских языках в зависимости от территории очень разнообразно. Схематически можно всю южнославянскую территорию распределить в три больших ареала, представляющих собой приблизительно запад, центр и восток южнославянских земель.

А. „Западным ареалом“ подразумевается в нашей статье территория, на которой рефлексы ъ отличились од е развитием йотации. Тем самым первоначальный гласный ъ изменился в более узкий звук чем е, приобрел в конкретных диалектах фонетически самые разнообразные оттенки; его записывают *je, ie, ĵe, ije* и пр., иногда встречаемся с йотацией и закрытым или „немым“ е (т. е. *iĵ, iǝ, iǰ* и пр.), в некоторых случаях надо предполагать метатезу йотации и возникновение гласного вроде *ei, eĵ*; в икавских диалектах йотация развилась так, что е исчезло и остался лишь *i*-овый элемент. — Эти рефлексы характерны для всей словенской, кайкавской, чакавской и екавско-икавской штокавской территории. Когда мы на указанной территории встречаемся с другими рефлексами ъ, дело в более поздних и, как правило, в территориально ограниченных изменениях выше приведенных гласных. Речь идет о рожанском словенском диалекте, некоторых восточноштирийских и соседних северных кайкавских диалектах, где каждое е, первоначальное и возникшее из ъ, позже в некоторых позициях, особенно в безударных слогах, изменяется в а.² Наоборот, состояние

¹ Срав. *Studia balcanica bohemoslovaca*, Vol. 2, 1976.

² Подробный обзор развития рефлексов ъ в южнославянских говорах в рамках общего фонетического развития дает F. Ślawski, *Zarys dialektologii południowosłowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa 1962.

некоторых доленских словенских диалектов, где местами рефлекс *êi*, редко даже *ê*, можно объяснить или как наиболее старое произношение *ǣ* без изменения, или как дальнейшее развитие после метатезы в *eĭ*.

Фонологическая сущность развития на всем приведенном ареале такова, что преитогированный элемент перед *ǣ* усилился,³ стал произноситься как (в некоторых говорах неслоговой или редуцированный, в других слоговой) *j* или с другим гласным как дифтонг, ввиду чего произношение отличилось от *e*. Естественно такое развитие оказалось возможным только там, где не развилось противопоставление согласных по мягкости и твердости.

Б. Центр южнославянской территории, т. е. экзавная штокавица, македонский язык и говоры Западной Болгарии (почему именно указанная территория, см. в конце разд. 4), развивался с фонологической точки зрения по другому направлению. Там исчезла каждая йотация перед всеми передними гласными включительно *ǣ*. Вместе с тем у гласного *ǣ* не было, по всей вероятности, симметрического заднего гласного той же высоты произношения; поэтому он, кажется, развился по направлению к закрытому произношению и наконец вполне слился с гласным *e*. — Как известно, в указанных диалектах встречаются мягкие варианты только у согласных *л* и *н*, на части территории есть тоже общий мягкий вариант для *т/к* и *д/г*; эти варианты употребляются лишь в определенных словах и суффиксах, в отличие от диалектов восточной группы, где более слабая или сильная мягкость сопровождает произношение каждого следующего переднего гласного, хотя она в соответных позициях не фонологическая. Почему и как мягкость у остальных согласных исчезла, нельзя точно определить; дело в т. наз. процессе „затвердения“, характеризующем именно юго-восточный славянский ареал.⁴

В. Наконец восток южнославянской территории, собственный предмет нашего научного интереса, можно охарактеризовать так, что *ǣ* с *e* не слились, или, точнее, наблюдается тенденция к слиянию только в некоторых позициях и только на более позднем этапе развития.

Самое архаическое состояние здесь сохранилось в некоторых родопских говорах⁵ и в окрестностях г. Солунь⁶ — во всех позициях *ǣ* произносится как [ê]. Несколько измененное состояние, т. е. произношение [ê] под ударением и [e] в безударных позициях, засвидетельствовано и по местам вблизи „ятовой границы“, т. е. изоглоссы, идущей по направлению Никопол—Плевен — вблизи деревни Камарци через хребет Старой Планины — Пазарджик — через горы Рилы и Пирина к Солуни и разделяющей ареал Б) от В)⁷ Сужение произношения в безударных слогах, т. наз. редукция безударных гласных, типично именно для Восточной Болгарии.

³ Справ. А. Lamprecht, *K chronologii foneticko-fonologických změn v praslovanštině, Slovo a slovesnost* 34, с. 115—123, спец. с. 121, и приведенная им литература.

⁴ Справ. К. Мирчев, *Историческа граматика на българския език*, София 1963, с. 133—136; К. Hórálek, *Úvod do studia slovanských jazyků*, 2-ое изд. Прага 1962, с. 146, 380—381, 384—385; И. Лёков, *Насоки в развоја на фонолошките системи на славянските езици*, София 1960, с. 23—27 и приведенная ими литература.

⁵ Справ. Ј. Милетић, *Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache*, Wien 1912.

⁶ Справ. М. Maľocki, *Dwie gwary macedońskie (Suche i Wysoka w Soluńskiem)*, cz. 1, *Teksty*, Kraków 1934; cz. 2, *Słownik*, Kraków 1936.

⁷ Справ. М. Младенов, *Архаичен ятов изговор край ятовата граница*, Славистичен сборник, София 1963, с. 297—305.

В остальных говорах ареала В)⁸ произношение ъ зависит от гласного следующего слога. Если он переднего ряда, т. е. *e* или *u*, ъ произносится [ê] или [e]; если он заднего ряда или слог последний перед паузой, ъ произносится как [a] и всегда смягчает предыдущий согласный. Что касается произношения перед слогом с передним гласным, надо выходить из положения, что исконное произношение — [ê]. Такое произношение сегодня в диалектах дунайских⁹ и некоторых южных, пока в центральной группе восточноболгарских диалектов, ставших основой литературного языка, произношение изменилось во всех позициях в [e]. Изменение [ê] в [e] в безударных позициях, которое распространено во всей Восточной Болгарии кроме вышеупомянутых ареалов, вызвано редукцией; то же изменение под ударением вынуждено фактом, что не было соответного заднего гласного [ô]; там, где есть [ô] или где число гласных фонем больше, там сохранилось и [ê].

Интересно состояние некоторых диалектов Фракии — во всех позициях под ударением рефлексом ъ является ('a), во всех безударных позициях (e); в колонизационных диалектах болгар в СССР, происходящих из Фракии, ('a) даже в некоторых безударных позициях.¹⁰ Возможно, что в этих диалектах гармония гласных была и что она позже исчезла; возможно также, что она не образовалась.

Примечание: Несомненно под влиянием чередования произношения ('a/e) как рефлексов ъ возникла и восточноболгарская перегласовка этимологического *a* > *e* после *ж*, *ч*, *ш*, *й*, если в следующем слоге передний гласный; против единственного числа *чаща*, *жаба*, *шапка*, *поляна* стоят множественные формы *чешу*, *жеби*, *шенки*, *полени* и пр. Важно здесь, что перегласовка также в диалектах, где согласный между двумя гласными произносится твердо (напр. говор деревни Бяла Черква).¹¹ Это явление продуктивно и оно часто встречается у новых слов, напр. диал. *чей* вм. лит. *чай*, множ. ч. *чентти* от формы ед. ч. *чанта* „портфель“ и пр.

Чередование [ʼa/e] в зависимости от того, какой гласный в соседнем слоге, задний или передний — это гармония гласных, которая в туркотатарских языках стала морфонологическим явлением. На восточноболгарской территории развивается уже с 7-ого века славянско-протоболгарский билингвизм; поэтому естественно ожидать, что его влияние оказалось условием для возникновения подобного славянского явления. Однако в туркотатарских языках чередуется гласный в грамматических морфемах в зависимости от последнего гласного в основе слова. Возьмем турецкие примеры: *oda* „комната“, „в комнате“ — *oda-da*, однако *ev* „дом“, „в доме“ — *ev-de*. Напротив того, в восточноболгарских диалектах чередование зависит не от структуры слова, а только от следующего слога.

⁸ Подробный обзор дает С. Стойков, *Ятовият преглас в български език*, Български език 13, 1963, с. 313—332, спец. с. 318—321.

⁹ В нашей работе употребляется старый термин Л. Милетича (срав. *Das Ostbulgarische*, Wien 1903, с. 9, с. 65 и сл.), т. е. „*Donaudialekte*“ в переводе на русский язык; позднее в работах болгарских диалектологов вместо него стал более популярным термин „*мизийски говори*“, образованный из фракийского местного названия *Мизия/Моесия*. По нашему мнению старый термин Милетича более точен и правилен, так как фракийская Мизия — это область более обширная; особенно на север и запад она достигает территории совсем других этнических групп, вызывая тем неправильную географическую ассоциацию. Определение указанных диалектов по реке Дунай гораздо точнее, хотя они в наше время не распространены совсем вдоль реки; они распространены в низменности, протекаемой Дунаем, что термин Милетича ясно определяет.

¹⁰ Срав. С. Стойков, указ. соч. с. 319—320.

¹¹ Срав. А. Бурмов, *Сборник за народни умотворения* 28, 1930, с. 10 и сл.; В. М. Чэкам, *Гісторыя праціпастаўленняў на цвёрдасці-мяккасці у беларускай мове*, Минск 1970, с. 19; *Български диалектен атлас*, София, том 2, 1966, карта № 28.

2. По вопросу, когда и по какому пути возникли нынешние болгарские рефлексy ѣ, мнения разные. До шестидесятых лет 20-ого века преобладало мышление¹² о том, что по крайней мере до конца 14-ого века ѣ произносился как [ê] и лишь после этого времени осуществились изменения. Поэтому позиционное произношение [ja], соотв. его чередование с [e], считалось более древним чем современное западноболгарское произношение, так как спорадические ошибки переписчиков ѣ вместо я и обратно наблюдаются уже с 12-ого века (в самой большой степени в Григоровичеве паримейнике, срв. в разд. 4), между тем как записи е вместо ѣ или обратно отмечены только с 15-ого века. По Беню Цоневу¹³ даже считается произношение е буквы ѣ сербизмом, будто оно разлилось бы широкой волной с запада на восток, в конечном результате не совпадая ни с каким-либо другим известным диалектным явлением.

Против неправильной традиции выступил С. Стойков.¹⁴ Обращая внимание на внутрисистемные взаимосвязи развития ѣ с развитием мягкости согласных, редукции безударных гласных и вышеуказанной перегласовки я > е, он заключает, что развитие ѣ — это географически не изолированное явление. Из факта, что в диалектах вблизи „ятьевой границы“ ѣ под ударением произносится как [ê], он сделал правильный вывод о направлении развития рефлексов ѣ на западе и востоке. По мнению Стойкова разграничение болгарских диалектов по рефлексам ѣ является границей двух фонологических систем, каждая из которых развивается по собственным внутренним закономерностям. — На его идеи опирается М. Младенов¹⁵ ссылкой на ряд раньше неизвестных изглоссе, в том числе и лексических, образующих собой в совокупности два разных диалектных типа, „восточный“ и „западный“. Хотя указанные им явления возникли в разных периодах, они географически совпадают. Приблизительно вдоль „ятьевой границы“ ведут и границы некоторых этнографических явлений. Из этого Младенов правильно заключает, что „ятьевая граница“ должна быть сравнительно древней и представляет собой границу двух основных групп болгарского населения с глубокими историческими различиями.

Однако нельзя попадать в противоположную крайность, т. е. в представление, что „ятьевая граница“ уже доисторическая. В. Георгиев и И. Гълъбов¹⁶ на основании топонимических данных (Георгиев фракийских на болгарской территории, Гълъбов славянских на греческой) считают, что различие между западным и восточным рефлексом ѣ было создано уже во время появления Славян на Балканском полуострове по какому-то неславянскому образцу. Но ведь фракийские слова, приведенные Георгиевым, возникли гораздо ранее и записаны греческими историками по слухо-

¹² Этого взгляда придерживается в последний раз К. Мирчев, указ. соч. с. 106; до него в научной литературе этот взгляд принимался практически без сомнений.

¹³ Срав. Б. Цонев, *История на български език*, том 3, 1937, с. 205—214 и на других местах того-же сочинения.

¹⁴ С. Стойков, указ. соч. с. 326—331.

¹⁵ М. Младенов, *Ятовата граница в светлината на нови данни (Към въпроса за диалектното членение на българския език)*, Славистичен сборник, София 1973, с. 241 до 256.

¹⁶ Срав. В. Георгиев, *Въпроси на българската етимология*, София 1958, с. 114 до 119; И. Гълъбов, *Les données de l'onomastique byzantine et grecque touchant la prononciation du „ѣ“ vieux bulgare*, *Byzantinobulgaria* 1, с. 313—320.

вому впечатлению греков; каково тогдашнее славянское произношение (одинаковое или различавшееся от греческого?), где и как это произношение различалось, неизвестно. Несколько более показательными кажутся топонимы славянского происхождения в Греции, собранные М. Васмером¹⁷ и напоминаемые в указанной статье Гьльбовым; некоторые из них отражают Ѣ как *-(j)a-* ('Οραχος, 'Αρχοβα, Λιασίνοβα, Συριάμον ...), другие как *-e-* (Λεοιά, Λεσοβίτι, Βελλά, Βρέστена, Πλέσα...), из чего Гьльбов заключает, что часть Славян произносила Ѣ как *e*, другая часть как *-(i)a-*. Конечно, при тщательной проверке собранного материала опытный лингвист не пропустит факт, что дело в различии не по территориальному признаку, а по лексемам. Имена, образованные из лексемы *orěch-*, написаны всегда 'Αρχυ- и никогда с *-e-*, наоборот из *běl-* всегда Βελ-/Μπελ-, из *brěst* всегда Βρεστ-/Μπρεστ-, префикс *prě-* записан всегда *πρε-* и никогда с *-α-* и пр. Единственное исключение из описанного правила представляет собой топоним Λιασίνοβα (наверно слав. *Лѣшиново*), записанный в Лаконии, против Λεσοβίτι, Λεοιά, *Lestenitza* в других областях; однако в той-же Лаконии встречаются имена вроде Βρέσθενη Μπελιγράδια и другие слова с *-e-* на месте славянского Ѣ, поэтому и этот факт не убеждает о территориальном различии произношения Ѣ. Славянские топонимы записаны греческим алфавитом по слуховому впечатлению греков, которые по всей вероятности славянски не знали; поэтому остались разные записи этимологически того-же гласного в разных словах включительно разных слов из той-же основы.

3. Решающими для определения времени, когда началось самостоятельное развитие Ѣ на обоих ареалах болгарской территории, являются прежде всего записи Ѣ в древнейших славянских текстах. Если не только в канонических глаголических и кириллических памятниках 11-ого века, но и в памятниках более поздних даже до 14-ого века различие между этимологическими *e* и Ѣ записано точно,¹⁸ то надо считать, что Ѣ и *e* были в Кирилло-Мефодиевской эпохе (и вероятно тоже несколько позднее) в Македонии и в Восточной Болгарии два гласных с разным произношением. Кроме того, глаголические памятники располагают общей буквой для Ѣ и *я*, пока кириллические обе буквы различают, однако с древнейших времен вместо этимологического *я* иногда написано после палатальных и плавных согласных Ѣ (в Саввиной книге последовательно после *л*, реже после *р*, один раз после *н*; в Супрасльском кодексе и других памятниках в тех же позициях записи Ѣ вместо *я* являются спорадическими).¹⁹ После других согласных различие Ѣ и *я* отражается в древнейших памятниках, написанных кириллицей, точно. Поэтому надо предполагать, что за исключением позиций после палатальных и плавных согласных Ѣ произносился в 9—11-ом вв. вблизи г. Солунь вероятно уже как ['ǎ] (или даже 'a?), т. е. одинаково как сегодня,²⁰ однако на других местах, особенно на восточноболгарской терри-

¹⁷ Справ. M. Vasmer, *Die Slaven in Griechenland*, Berlin 1941.

¹⁸ Справ. К. Мирчев, указ. соч. с. 106.

¹⁹ Справ. V. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*, 2. Aufl., Berlin 1912, с. 94—100 и особенно S. Kul'bakin, *Le vieux slave*, Paris 1929, с. 59—60, в чешском переводе *Mluvnice jazyka staroslověnského*, 2-ое изд. Praha 1948, с. 23.

²⁰ Справ. V. Oblak, *Mazedonische Studien*, Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften Bd. 134 (1895), Abhandlung 8, (о Ѣ спец. с. 25—26) и материал, собранный М. Маледким, указ. соч.

тории, еще различно от [ʼa] (т. е. иначе чем сегодня). Из этого вытекает, что для 9-ого века надо предполагать, что произношение ѣ было по крайней мере на части территории уже несколько измененное в сравнении с праславянским, но еще не современное. Значит, главное развитие рефлексов праславянского ѣ произошло только в эпоху после Кирилла и Мефодия.

Наша статья выходит из предпосылки, что первоначальное праславянское произношение ѣ было [ě], т. е. звук более широкий чем обыкновенное [e]. В некоторых лингвистических пособиях принята запись [ǣ] для того-же звука, хотя не возможно определить, был ли звук [ě] столь же низкий, как современное славянское [a]; есть основание думать, что он по высоте отвечал праславянскому короткому [a], перевернувшись в [o], однако что длинный праславянский [ǣ] произносился немножко ниже.²¹ — Произношение [ʼa] после шипящих и ѣ, зафиксированное в старославянских памятниках,²² считаем явлением не праславянским, а более новым изменением (хотя оно осуществилось и у других Славян), происхождение которого, может быть, вызвало постепенное изменение восточноболгарского произношения ѣ в указанных позициях как [ʼa]. То-же изменение могло и на территории других славянских языков стать импульсом изменений произношения ѣ; по этому вопросу необходимы еще специальные исследования.

Из вышесказанного вытекает наша предпосылка направления восточноболгарского развития:

Чередование произношения ѣ как [ʼě] в некоторых позициях и [ʼa] в других позициях возникло таким образом, что пока

1. в безударной позиции

2. под ударением перед слогом с передним гласным сохранилось тогдашнее произношение,

то под ударением, если следовал слог со задним гласным, произношение изменилось из [ʼě] в [ʼa].

Позже в некоторых позициях произношение [ʼě] изменилось в [ʼe]. В безударных позициях это вызвано редукцией безударных гласных, пока в позициях под ударением так случилось из-за отсутствия симметрического заднего гласного. Кажется, что редукция в безударных позициях старше чем сужение под ударением.

Особенно важным является факт, что тогда как в сербохорватской экваской, македонской и западноболгарской области произошло затвердение согласного, стоящего перед $e < \text{ѣ}$, последовательно во всех позициях,

²¹ В нашей работе записываем [ě], как в лингвистической литературе наиболее распространено, срав. напр. A. Lamprucht—D. Šlozar—J. Bauer, *Vývoj mluvnického systému*, Praha 1963, с. 15 и сл.; комментарий к способам записи в соч. K. Horálek—J. Kurz—A. Dostál, *Základy staroslověnské mluvnice*, Praha 1962, с. 47 (в указанном сочинении употребляется также запись ě). По нашему мнению для времени, когда уже существовал звук o, такой способ записи является самым правильным. То же произношение записывает через [ǣ] напр. Ф. Мареш, срав. *Slavia* 25, 1956, с. 486—489 и сл., или A. Lamprucht, *Pozdní praslovánština a její vývoj na východoslovanském území*, Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Varšava 1973), Praha 1973, с. 29—39 и др.; по нашему мнению такой способ записи более правилен лишь для характеристики праславянского произношения, когда не было o.

²² Срав. напр. A. Leskien, *Grammatik der albulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg 1909, с. 6; H. H. Bielfeldt, *Alt slavische Grammatik*, Halle 1961, s. 49 а 52; K. Horálek—J. Kurz—A. Dostál, *Základy ...* с. 73. — Нам, однако, нельзя принять концепцию генезиса указанного состояния у Ф. В. Мареша (срав. *Slavia* 25, 1956, с. 487), так как современное южнославянское состояние как целое нельзя объяснить как продолжение состояния старославянского; таким образом объяснимо лишь состояние южномакедонских и части франкийских диалектов, т. е. тех, о которых говорится в нашей статье в предпоследнем абзаце разд. 1.

в восточноболгарских диалектах согласный перед $e < \text{ѣ}$ произносится более мягко чем перед e праславянским.²³

Поэтому мы допускаем возможность, что ѣ стал произноситься как $[e]$ в западноболгарской области не одновременно с восточноболгарским изменением в $[a]$. Более того: оба изменения кажутся быть обусловленными разными фонологическими причинами. С такой предпосылкой мы приступим к следующему рассуждению.

Если до времени восточноболгарского изменения $[e'] > [a]$ стоял перед $[e']$ согласный, различающий твердый и мягкий варианты произношения, т. е. некоторый из согласных $m, \text{д}, c, z, l, p, n$, то по праславянским фонологическим законам он стоял в мягком варианте. После изменения образовалось положение, что перед a , где раньше стояли только твердые варианты этих согласных (и где согласные, существующие до того времени лишь как мягкие, т. е. шипящие, по историко-фонологическим причинам стоять не могли), появились согласные в твердых и мягких вариантах. Тем самым создатель в Восточной Болгарии подобное положение как в чешском языке после контракции и исчезновения еров. Такое положение неизбежно вызывает или изменения в вокалической системе и следующие депалатализации как в чешском языке, или образование целого противопоставления по мягкости/твердости как в восточнославянских языках. При этом в разницу как от чешского, так от восточнославянских языков, в болгарском наблюдается затверждение согласных перед передними гласными.

Выше сказано, что в экавско-македонско-западноболгарском ареале произошло это затверждение последовательно и поэтому оказалось невозможным дальнейшее развитие противопоставления по мягкости и твердости, которое, наоборот, ограничилось: совсем исчезло у свистящих и p , в части диалектов сохранилось у m и д , мягкие варианты которых позиционно исполняют тоже функцию оппозиции к твердым k и g . Следовательно, оно осталось только у l и n . — Это затверждение, кажется, совершилось более поздно чем восточноболгарский переход к нынешним рефлексам ѣ . Наше мнение опирается на факт, что позиционная мягкость перед a , которая после изменения $\text{ѣ} > [a]$ стала смысловозначительной (первоначальное различие типа *далъ* : *дѣль* изменилось в различие типа *дал* : *дѣл*), по своей природе стала барьером для какого-либо развития затверждения, начало которого надо предполагать в западноболгарской области одновременно с восточноболгарской. Другими словами: на всей болгарско-македонской (и вероятно тоже большей части сербохорватской) территории в известное время вступила в действие тенденция к затверждению, которая на восточноболгарской территории была прекращена возникновением нового противопоставления по мягкости-твердости под влиянием изменения $\text{ѣ} > [a]$. Это изменение (с происхождением на востоке) могло развиваться только на терри-

²³ Срав. особенно С. Стойков, *Българска диалектология*, София 1962, с. 124; более точное представление о целом состоянии можно получить из текстов, опубликованных в книге С. Стойков, *Христоматия по българска диалектология*, София 1950. Обзор состояния в отдельных болгарских говорах на основе диалектологических монографий в связи с общим состоянием мягкости согласных дает В. М. Чакмав, указ. соч. с. 17 до 20. Из отдельных монографий более подробное внимание указанному явлению отделяет С. Кабасанов, *Един старинен български говор — Тихомирският говор*, София 1963, с. 36—37.

тории на восток от сегодняшней „ятьевой границы“; естественно, далее на запад оно не могло расширяться потому, что эта граница административно-юридического характера препятствовала контактам населения.²⁴ И после окончания затвердения на запад от этой границы самостоятельно по фонологическим причинам, образовавшимся в результате затвердения, произношение [ê] изменилось в [e]. (Следовательно: никакое влияние иностранного языка, а домашнее развитие, хотя не только болгарское.) Естественно и на востоке, ввиду того, что изменилось положение в фонологической системе, наблюдается продолжение самостоятельного развития — редукция безударных гласных; если одна и та же лексема допускает чередование двух гласных, возможно чередование еще третьей или даже четвертой. (На Западе Болгарии, где гласные не чередуются, для редукции в безударной позиции, естественно, нет условий.) Так возникают две автономные фонологические системы; изменение [’ê] > [’a] оказалось основным импульсом возникновения целого комплекса различий.

4. Для определения относительной и абсолютной хронологии развития ѣ и с ним связанных изменений кажется необходимым обратить внимание к несколько специальному развитию рефлексов ѣ после џ. Группа -џѣ- дает в большой группе болгарских диалектов, большей частью в Родопах и их окрестностях, но и на других местах на юго-западе и юго-востоке, по обеим сторонам „ятьевой границы“, под ударением и в безударной позиции, -џа-.²⁵ Более того: перед а < ѣ џ произносится твердо даже в тех диалектах на восток от „ятьевой границы“, в которых у всех остальных согласных парная мягкость. Это состояние наглядно засвидетельствовано уже в некоторых памятниках 13-ого века,²⁶ тогда как в других памятниках из того-же времени записаны такие-же рефлексы ѣ после џ, какие и в остальных позициях. Поэтому мы согласны с Стойковым,²⁷ что с учетом сметы возникновения несмягчающего а < ѣ после џ (по обеим сторонам „ятьевой границы“) изменение ѣ после џ должно было совершиться более поздно чем изменение ѣ после остальных согласных. Однако традиционное объяснение указанного возникновения а через „затвердение џ“²⁸ нам кажется сомнительным, так как науке неизвестна тогдашняя фонетическая реализация џ перед ѣ, несмотря на отсутствие надежных фонологических аргументов.

²⁴ Опираемся на факты, обобщенные на польском материале в работе А. Furdal, *O przyczynach zmian głosowych w języku polskim*, Wrocław 1964; по нашему мнению их можно применить и к южнославянскому состоянию. К вопросу применения срав. еще V. Šaur, *Protobulharsko-slovanský bilingvismus...*, *Studia balcanica bohemoslovaca* 2.

²⁵ Срав. С. Стойков, *Ятовият преглас...* с. 324—326.

²⁶ Срав. К. Мирчев, указ. соч. с. 107.

²⁷ Срав. С. Стойков, *Ятовият преглас...* с. 326.

²⁸ Так объясняют Л. Милетич, *Сборник за народни умотворения* 21, 1905, с. 41; С. Младенов, *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin—Leipzig 1929, с. 91—92; Ц. Тодоров, *Северозападните български говори, Сборник за народни умотворения* 41, 1936, с. 105; К. Мирчев, указ. соч. с. 135; подобно и Н. ван-Вейк, *История старославянского языка*, Москва 1957, с. 189—190. Обратного мнения С. Стойков, *Ятовият преглас...*, с. 326, прим. 6, где говорится: „Не може да се приеме, че съгласната џ в съчетанието џѣ първоначално е била мека, защото гласна ѣ в старобългарски език никога не се среща след мека съгласна.“ Однако, аргумент Стойкова кажется проблематическим; срав. объяснение возникновения џ в труде Ф. В. Мареша, *Slavia* 25, 1956, с. 471—475 и особенно 488!

Из вышесказанного выходит следующий порядок изменений: 1. $-ѣ > -ѣа-$, 2. $ѣ > а$ под ударением перед слогом с задним гласным и возникновение „ятьевой границы“, 3. конец затвердения согласных перед передним гласным, 4. окончательное образование противопоставления согласных по мягкости/твердости на востоке, 5. возникновение редукции безударных гласных на востоке и перегласовка $а > е$ после шипящих типа *чеши, жеби, шепки*... и после $й$ типа *полени*.

На основании настоящего порядка изменений мы сделаем опыт определения абсолютной хронологии, по крайней мере у первых трех изменений, опираясь на данные памятников.

Как выше сказано, *terminus post quem* для изменения $-ѣ > -ѣа-$ — это положительно 13-ый век. Для изравнения $ѣ$ с $е$ в западноболгарском ареале этим термином является вероятно уже 14-ый век,²⁹ хотя раньше думалось о более позднем термине.³⁰ Конечно, переход $ѣ > [а]$ на востоке осуществился раньше, срв. выше; можно считать, что уже Григоровичев паримейник этот переход отражает,³¹ если дело не в ошибках переписчика или в влиянии глаголической графики; ведь записи $я$ вместо $ѣ$ в Григоровичев паримейнике находятся и в позициях, где регулярно $ѣ$ не изменяется, напр. *до врямени, вянецъ, къ мня, на брязя* и пр. — Иногда приводится как свидетельство о произношении $ѣ$ примечание Константина Костенецкого (работал в конце 14-ого и начало 15-ого века) о том, что $ѣ$ произносится как широкое $[ѣ]$.³² По нашему мнению это свидетельство нельзя считать общеполгарским, оно вероятно относится лишь к диалекту, известному автору. Костенец лежит недалеко на запад от „ятьевой границы“, где произношение $[ѣ]$ сохраняется; в наше время еще несколько километров оттуда $ѣ$ так произносится.³³

Определить *terminus ante quem* описанных изменений более трудно. Нам кажется, что в эпоху древнейших славянских письменных памятников, т. е. в 11-ом веке, самостоятельный гласный $ѣ$ существовал, так как его записи в памятниках появляются там, где они ожидаются, в различие от памятников 12-ого века, где уже ряд неточностей и колебаний. Поэтому надо предполагать, что изменение $ѣ > 'а$ под ударением перед слогом с задним гласным осуществилось когда-нибудь после возникновения древнейших памятников и перед написанием Григоровичева паримейника, или по крайней мере недолго раньше. Выходит 11-ый или 12-ый век. Сравним теперь это предположение с развитием границ административных единиц. Из заключения разд. 3 вытекает, что если известно, в которых местах изменение расширилось, и если известно, как изменялись границы госу-

²⁹ Срав. особенно А. Станчева, *Български език* 13, 1963, с. 343—344. Авторка сама говорит, что этим термином решительно не является 13-ый век; им может быть или 14-ый, или 15-ый век. По нашему мнению графика памятников умеренно опаздывает за процессами в живом языке, поэтому считаем наиболее вероятной датой 14-ый век.

³⁰ Так Б. Цонев, *История на български език* том 1, с. 37 и особенно том 2, с. 397. Срав. и К. Мирчев, указ. соч. с. 108—109.

³¹ Срав. К. Мирчев, указ. соч. с. 107.

³² Срав. К. Мирчев, указ. соч. с. 106.

³³ Срав. особенно М. Младенов, *Архаичен ятов изговор край ятовата граница*, Славистичен сборник, София 1963, с. 303. Сам М. Младенов в своей работе *Ихтиманският говор*, София 1966, с. 51 подчеркивает, что в 4 деревнях приблизительно 10 километров от г. Костенец до сих пор сохраняется произношение $(ѣ)$.

дарств и провинций, то можно определить время изменения. Мелкие различия между современным состоянием и тогдашней границей могут быть обусловлены позднейшими миграциями, однако основная линия ятьевых изоглосс должна опираться на тогдашнее административное деление.

И действительно: исторические границы между римскими и византийскими префектурами *Thracia* и *Thrakia*, образовавшиеся уже до прибытия Славян на Балканский полуостров, вели приблизительно по следующей линии: река Вит — на юг через хребет Старой Планины — Етерика (современный Костенец) — хребты Рилы и Пирина — водораздел Струмы и Месты.³⁴ Эта граница, приближающаяся ятьевой, служила как руководящая для определения византийских государственно-административных единиц, образуемых после уничтожения преславской (972 г.) и Самуиловой (1018 г.) империй. Граница византийских тем *Bulgaria* на западе и *Macedonia* на востоке приблизительно совпадает с древней границей *Thracia* — *Thrakia*. Исключением является лишь самая северная часть „ятьевой границы“ в Дунайской низменности, где по обеим сторонам сегодняшней „ятьевой границы“ была тогда одна византийская тема, т. е. *Paristion*; однако, поперек вела граница Охридской и Цариградской архиепископии. До 1025 г. граница архиепископий вела восточнее, с 1025 г. она приблизительно совпадала с „ятьевой границей“. Это ее положение сохранилось приблизительно до конца 12-ого века, до возникновения Търновского болгарского царства;³⁵ позже она променялась в связи с передвижениями границ Сербии, Болгарии и Византии.³⁶

Как известно из изучения состояния чешско-польской пограничной области,³⁷ граница эпиконно обыкновенно становится и границей расширения языковых новообразований. И граница охридской архиепископии из 11—12-ого века по свидетельству указанных карт довольно точно совпадает с границей эквизма. Она вела тогда по продолжению болгарской „ятьевой границы“, через юг Македонии, по продолжению сегодняшней албанской границы с Грецией и Югославией, границы Сербии с Черной Горой, Боснией и Хорватией и по Дунаю. (Экваско-штокавские говоры в Войводине и далее на запад и север являются диалектами преимущественно колониционными).³⁸

О том, что изменение $\text{ѣ} > \text{'a}$ осуществилось наиболее вероятно в 11—12-ом веке,

³⁴ Срав. *Атлас по българска история*, София 1963, карта № 4 (автор карты В. Милов).

³⁵ Срав. *Атлас...* карта № 15 (автор карты Д. Ангелов).

³⁶ Срав. *Атлас...* карта № 16, 17, 18 (автор карт Д. Ангелов).

³⁷ Срав. особенно J. Bělič, *Nástin české dialektologie*, Praha 1973, с. 18—20 и диалектологические труды из области лашских говоров.

³⁸ Срав. А. Белић, *Јужнословенски филолог* 8, с. 230—231; его мнение оспаривает И. Поповић, *Историја српскохрватског језика*, Нови Сад 1955, с. 32—34, однако Поповић путает два состояния: вопрос о языке первой славянской этники в подунайских землях с вопросом возникновения современного состояния в этой области. Можно на основе языковых фактов доказать, что первые Славяне, жившие в области Войводины и севернее, были родственны современным штокавцам, специально эквцам; однако, они еще не произносили ѣ сегодняшним образом и по свидетельствам исторических документов уже давно существует постоянное движение населения из Сербии в Войводину, вызванное в 14-ом веке турецким нашествием и продолжающееся до сих пор преимущественно по экономическим причинам. Поэтому колониционный элемент в Войводине довольно сильный и его надо учитывать.

можно судить и из сравнения исчезновения самостоятельного гласного ѣ в отдельных славянских языках — веаде этот процесс проходит почти в одно и то-же время.³⁹

5. Отметим, что очагом изменения ѣ > 'а перед слогом с задним гласным стала северо-восточная Болгария, т. е. область, в которой можно предполагать самый сильный билингвизм с турко-татарской этникой. В отличие от географического распространения сохранения ѣ за праславянские ѣ и ѣ, разившегося в рамках административных границ протоболгарской империи в 9-ом веке, распространение изменения ѣ > 'а соответствует административной границе в 11—12-ом веке. Изменение охватило территорию под церковным управлением цариградского патриарха в области византийских тем Macedonia и Paristrion, не охватив эту территорию в рамках темы Strumon, куда принадлежали Родоны и крайний юг Фракии.⁴⁰

Какой туркотатарский народ мог в то время или несколько раньше жить на указанной территории, чтобы билингвизм с его языком мог повлиять на результат фонетического изменения? — С 681 г. до конца 10-ого века можно говорить о протоболгарах, этнике первоначально довольно многочисленной, позднее постепенно ослабевающей, однако принадлежащей в течение 300 лет к владельческому слою государств. В конце 10-ого века приходят печенеги, в 11—12-ом веке Куманы или Узы, задержавшиеся на восточноболгарской территории довольно продолжительно (куманского происхождения тоже многие зафиксированные имена болгарских владетелей и дворян в 13-ом и 14-ом веках) и как эпизод здесь появились во второй половине 13-ого века и Татары. Все эти народы приходили с северо-востока и задерживались главным образом в Добрудже и ее окрестностях. — По нашему мнению из этих языков самым важным для назначенного билингвизма является действие протоболгарского языка; остальные языки только его влияние укрепляли. Протоболгарское влияние обусловлено продолжением времени действия и тем, что его начало в высших слоях государства, пока остальные народы приходили и уходили, когда изменение уже вступило в действие. Поэтому можно считать, что протоболгарское влияние в славянском болгарском языке отражается не только в небольшом количестве заимствованных слов, как до сих пор считалось, но что оно проявилось и в моделировании фонологической системы восточноболгарских диалектов. Было бы полезным далее обращать внимание славистики к этим проблемам.

O SOUVISLOSTI VÝCHODOBULHARSKÝCH JAŤOVÝCH STŘÍDNIC S PROTOBULHARSKÝM SUPERSTRÁTEM

Práce se zabývá otázkou, zda východobulharské střídání jaťových reflexů 'a/ě/e mohlo být ovlivněno bilingvismem s jazykem, majícím vokální harmonii, tj. nejspíše protobulharským. Podle jaťových střídnic lze celý slovanaký jih rozdělit do tří velkých skupin, jejichž charakte-

³⁹ Срав. более подробно А. Lamprecht, *K chronologii...*, Slovo a slovesnost 34, с. 120—121.

⁴⁰ Срав. *Атлас по българска история*, София 1963, карта № 15 (автор карты Д. Ангелов).

ristika je podána v odd. 1. Dosavadní lingvistické názory jsou hodnoceny v odd. 2; jaťové střídnice byly považovány za poměrně nové, některými dokonce za přesah srbského vlivu. Teprve v posledních deseti letech nové výzkumy obrátily pozornost k systémovým souvislostem vývoje jať s korelací měkkosti, redukcí nepřízvučných samohlásek a dalšími, hlavně lexikálními diferencemi. V odd. 3 je zdůvodněno východisko autora. Ještě počátkem 11. století se jať vyslovovalo jako ž, ale nedlouho potom začal proces jeho změny pod přízvukem, následovala-li slabika se zadní samohláskou nebo konec slova, v 'a (v ostatních pozicích zůstala výslovnost stará, která se později změnila). Poněvadž na východ od tzv. jaťové hranice se zachovala mírná měkkost souhlásky před e < jať, zatímco na západ od této hranice nikoli, jde na každé straně hranice o fonologicky samostatný vývoj. Na západě se dovršila tendence ke ztvrdnutí souhlásek, na východě byl rozvoj této tendence přerušen vznikem alternace, podmíněné bilingvismem s jazykem, majícím vokální harmonii. — Odd. 4 zdůvodňuje časové zařazení východobulharské jaťové přehlásky do 11.—12. století (předtím nastala změna *čě > ca*) stavem památek a tehdejšími státně- i církevně-administrativními hranicemi. — V odd. 5 se ukazuje, že právě protobulharský jazyk nejpravděpodobněji ovlivnil vývoj na východ od jaťové hranice.